

П. Верт

**МНОГООБРАЗИЕ И ЕДИНСТВО В УПРАВЛЕНИИ
«ИНОСТРАННЫМИ ИСПОВЕДАНИЯМИ» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-25-36

УДК 94(47)“17/18”

ББК 63.3(2)5

Автор исследует историю организации системы управления «иностранными исповеданиями» — неправославными религиозными объединениями в России последней трети XVIII — середины XIX в. По его мнению, система, которую он называет «многоконфессиональным установлением», была гибкой и компромиссной. С одной стороны, при несомненном первенстве Православной церкви большинство неправославных исповеданий получили статус государственных институтов, что укрепляло их положение, давало возможность духовенству включаться в процессы управления и одновременно усиливало внутреннее единство империи. С другой стороны, по мере развития имперского государственного аппарата и развития тенденций унификации у верховной власти со второй половины XIX в. стали появляться опасения, что интеграция разных групп населения через религиозные институты может угрожать государственной целостности. Тем не менее вплоть до падения в России монархии самодержавию не удалось выработать какой-либо иной действенной модели управления делами религии, кроме существовавшей.

Ключевые слова: *иностранные исповедания, многоконфессиональное установление, конфессии, законодательное регулирование, Главное управление духовными делами иностранных исповеданий*

В 1913 г. 39 членов Государственной думы выступили с предложением о создании духовного управления мусульман Северного Кавказа. В отличие от представителей большинства других конфессий и большинства других мусульман, для северокавказцев не существовало ни правления, ни какой-либо иной формальной иерархии, которая могла бы способствовать «упорядочению» духовных дел региона. Это обстоятельство оставляло этих мусульман «в первобытных, хаотических условиях» и обрекало их «на дальнейшее прозябание во тьме невежества и религиозного фанатизма».¹ Примечательно, что среди членов Думы, внесших вышеупомянутую инициативу, было трое мусульман, в том числе один представитель Кавказа. Таким образом, это предложение выражало стремление по крайней мере некоторых мусульман к полному включению в систему, которую мы называем «многоконфессиональ-

ным установлением» России. Православие, безусловно, представляло собой первенствующее и господствующее исповедание Российской империи и в силу этого занимало высокое положение в религиозной иерархии страны. При этом признание первенства и господства одной веры не препятствовало становлению других, и со временем большинство неправославных исповеданий в России получили в той или иной мере признание в качестве государственных институтов. К середине XIX в. духовные дела большинства российских подданных находились в ведении вновь созданных либо узаконенных государственной властью институтов, деятельность которых регулировалась уставами. В настоящей статье, рассматриваются причины такого развития, обеспечившего сосуществование разнообразия и единства в этой важной составляющей части государственного управления. При этом подчеркивается, что в процессе становления системы учет особенностей каждой религиозной традиции в России одновременно сочетался со стремлением государства придать всему религиозному порядку единство и согласованность.

Учреждения

Для удобства рассмотрения строительство многоконфессионального установления в России можно разделить на два самостоятельных, но взаимосвязанных процесса — строительство институтов и законодательство. Моделью

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 849. Л. 1–3, 100б.; Цаликов А. Т. Кавказ и Поволжье. М., 1913. С. 147–156; Ганич А. А. Муфтият, которого не было // *Ab Imperio*. 2011. № 4. С. 261–278.

Верт Пол — профессор кафедры истории, Университет Невады (США, Лас-Вегас)
E-mail: werthp@unlv.nevada.edu

* Статья является адаптированным переводом сокращенной версии главы 7 «*Religious Institutions and Statutes*» монографии Werth P. W. «*The Tsar's Foreign Faiths Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*» (Oxford : Oxford Publishing Limited, 2014. 306 p.). Публикуется с разрешения правообладателя. Переводчик Т. В. Говорухина. Редактор русской версии Д. А. Редин

для обоих процессов послужило государственное управление первенствующей православной конфессией в России. Всем, пожалуй, известны история создания Святейшего Синода, появление духовных консисторий и другие меры, направленные на улучшение и унификацию православного церковного управления.² Складывание этой системы послужило моделью для последующих усилий государства по институционализации неправославных исповеданий в России.

Этому проекту способствовало сочетание нескольких факторов в конце XVIII в. С одной стороны, присоединение новых польских территорий требовало начиная с 1772 г. установления некоторого государственного контроля над делами римских и греко- католиков.³ С другой стороны, восстания 1755 и 1773–1775 гг. на востоке, частично в ответ на православные миссионерские кампании 1740-х гг., убедили правительство в необходимости примирения с исламом.⁴ Наконец, под влиянием модели *Polizeistaat* и концепций умеренной религиозной терпимости эпохи Просвещения правительство Екатерины II пришло к признанию полезности неправославных исповеданий как источника порядка и стабильности. В этом контексте для государства стало логичным воспроизведение, с соответствующими изменениями, институционального и правового механизма, построенного для православия в начале XVIII века.

Таким образом, после первого раздела Польши Екатерина учредила в 1773 г. епископство для новых католических подданных России, повысив его главу десять лет спустя до статуса архиепископа с юрисдикцией над всеми като-

ликами России.⁵ В 1797 г. был учрежден специальный департамент по делам католиков, преобразованный в 1801 г. в Римско-католическую духовную коллегия по аналогии с православным Святейшим Синодом.⁶ В то же время были приняты нововведения для ислама, особенно после присоединения Крыма. В период между 1783 и 1794 гг. правительство империи признало или учредило муфтияты и духовные управления для двух регионов со значительным мусульманским населением — для Крыма и Волго-Уральского региона.⁷ Тем временем в губерниях Восточной Сибири региональные власти наделяли Бандидо хамбо-ламу все большей властью над буддийскими ламами.⁸ Политика в отношении униатов была более переменчивой, однако после агрессивной государственной кампании по «воссоединению» греко-католиков с православием, проводившейся в 1790-х гг., правительство все же учредило в 1805 г. униатский департамент в составе Римско-католической духовной коллегии и год спустя назначило нового униатского митрополита.⁹ Решение Екатерины о признании духовного авторитета армянского католика Симеона, в то время подданного Персии, над всеми армянами России послужило основой для последующего участия России в выборе преемников Симеона.¹⁰ Соответствующие институты для протестантских и иудейских конфессий были созданы чуть позднее. В 1831 г. состоялось признание Виленской евангелическо-реформатской коллегии для кальвинистов, а год спустя усилия государства по учреждению генеральной консистории для лютеран также увенчались успехом. Централизованная Раввинская

² См.: Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great. New York, 1971; Freeze G. Institutionalizing Piety: The Church and Popular Religion, 1750–1850 // *Imperial Russia: New Histories for the Empire*. Bloomington; Indianapolis, 1998. P. 210–249; Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы. М., 2004; Вишленкова Е. А. Забота о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002; Полунов А. Обер-прокуратура Святейшего Синода: основные этапы становления и развития (XVIII — середина XIX в.) // Петр Андреевич Зайончковский: сб. статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 231–260.

³ См.: Носов Б. В. Русская политика в диссидентском вопросе в Польше 1762–1766 гг. // *Польша и Европа в XVIII веке: международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой*. М., 1999. С. 20–101; Skinner B. The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in 18th-century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia. DeKalb, 2009. P. 112–168.

⁴ См.: Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М., 2004. С. 45; Crews R. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, Mass., 2006. P. 39–45.

⁵ См.: De Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven; Conn; London, 1981. P. 510–515; Толстой Д. А. Римский католицизм в России. СПб., 1876. Т. 2; Богословский К. Государственное положение римско-католической церкви в России от Екатерины Великой до настоящего времени. Харьков, 1898.

⁶ См.: Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. 26: 1800–1801. С. 823–829 (ст. 20053); РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 41. Л. 140б., 39.

⁷ См.: Арапов Д. Ю. Указ. соч. С. 44–55; Crews R. Op. cit. P. 51–55; Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII — XIX в. Уфа, 1999. С. 20–35; Александров И. Ф. К истории учреждения Таврического Магометанского Духовного Правления // *Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии*. 1918. Т. 54. С. 316–355.

⁸ См.: Вашкевич В. В. Ламаиты в Восточной Сибири. СПб., 1885; Чимитдоржин Д. Г. Пандито Хамбо Ламы (1764–2010). Улан-Удэ, 2010. С. 20–29.

⁹ См.: Устройство Римско-католической церкви в России. СПб., 1867. С. 30; Wolff L. The Uniate Church and the Partitions of Poland: Religious Survival in an Age of Enlightened Absolutism // *Harvard Ukrainian Studies*. 2002–2003. № 26.1–2. P. 160–164, 186–192.

¹⁰ См.: Ежов Г. А. Начало сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством. Тифлис, 1901.

комиссия была учреждена только в 1848 г., но даже тогда она не носила постоянного характера в отличие от всех прочих институтов.¹¹ Тем не менее уже к началу XIX в. для большинства неправославных конфессий были сформированы религиозные институты, официально признанные государством.

Екатерина II, безусловно, была центральной фигурой во всех этих событиях, при этом все же трудно сказать, до какой степени эти разнообразные процессы были частью единой скоординированной политики. Например, не существовало единого государственного органа, специально уполномоченного осуществлять надзор за делами неправославных исповеданий, и во многих случаях государство, по-видимому, не следовало единому хорошо продуманному плану, а лишь реагировало на конкретные потребности или возможности.¹² Институционализация католицизма и ислама была явно ускорена приобретением новых подданных, принадлежащих к этим конфессиям, хотя в Волго-Уральском регионе она также опиралась на модели взаимодействия, сформировавшиеся в период 1730-х гг. Толчком к созданию генеральной евангелиско-лютеранской консистории послужили отчасти споры внутри этого сообщества между пиетистами и рационалистами.¹³ Признание Екатериной армянского католика было продиктовано необходимостью усилить позиции России в противостоянии мусульманским державам на юге. При этом во всех этих процессах прослеживаются закономерности, отражающие стремление государства привлечь неправославные религиозные элиты к сотрудничеству в управлении империей; использовать моральный авторитет различных конфессий для поддержания порядка и стабильности в стране; разорвать духовные связи между российскими подданными и единоверцами за рубежом; а также воспроизвести основные формы государственного контроля над религией по

аналогии с уже сложившимися институтами для православия.¹⁴

С наступлением XIX в. изменения в общей структуре государственного аппарата в России создали новые возможности для централизованного управления делами религий. В 1808–1811 гг. Михаил Сперанский инициировал обширную программу рационализации управления самодержавием, которая включала в себя создание отдельного департамента духовных дел иностранных исповеданий.¹⁵ Образцом для него послужила наполеоновская Франция, предлагавшая убедительную модель конфессионального управления, которую один из историков назвал «четырёхсторонним религиозным установлением», охватывавшим католицизм, две протестантские конфессии и иудаизм.¹⁶ Тем не менее между двумя странами существовали значительные различия. В то время как французское установление предполагало объединение всех признанных конфессий страны под эгидой одного министерства, в России господствующая конфессия оставалась за пределами структур департамента. Таким образом, управление православием сохранялось за Синодом, в то время как «дела духовных разных других исповеданий» были переданы в ведение нового органа, получившего название Главного управления духовными делами иностранных исповеданий.¹⁷ Оно стало российским министерством по делам конфессий, при этом без юрисдикции над православием. Справедливости ради следует отметить, что в течение короткого периода 1817–1824 гг. вопросы образования и дела «всех вероисповеданий», в том числе православия, были переданы «в состав одного управления», так называемого объединенного министерства под руководством Александра Голицына.¹⁸ Однако этот эксперимент просуществовал недолго, и после 1824 г. православие было вновь отделено от так называемых иностранных исповеданий. В свою очередь, в 1832 г. Главное

¹¹ См.: Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч. 3, кн. 1. С. 231–232; РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 616; Свод законов Российской империи (СЗРИ). СПб., 1857. Т. 11. Ч. 1. С. 154–155 (ст. 790–794); ПСЗ РИ. СПб., 1831. Т. 6: 1831. С. 498–499 (ст. 4674); Freeze Ch. Y. Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia. Hanover, N. H., 2002. P. 83–87.

¹² См.: Tsapina O. Secularization and Opposition in the Time of Catherine the Great // Religion and Politics in Enlightenment Europe. Notre Dame, 2001. P. 341; Алексеева С. И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России, 1856–1904 гг. СПб., 2003. С. 205.

¹³ См.: Amburger E. Geschichte des Protestantismus in Russland. Stuttgart, 1961. P. 62–78.

¹⁴ Некоторые из этих тем подробно раскрываются в статье: Crews R. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // The American Historical Review. 2003. Vol. 108, iss. 1. P. 50–83.

¹⁵ См.: Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772–1839. The Hague, 1957. P. 105–117.

¹⁶ См.: McIntire C. T. Changing Religious Establishments and Religious Liberty in France // Freedom and Religion in the Nineteenth Century. Stanford, 1997. P. 233–272; Leniaud J.-M. L'Administration des Cultes pendant la période concordataire. Paris, 1988.

¹⁷ См.: ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. 31: 1810–1811. С. 279–280 (ст. 24307).

¹⁸ См.: ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. 34: 1817. С. 814 (ст. 27106).

управление стало департаментом Министерства внутренних дел, вероятнее всего, по инициативе Дмитрия Блудова, который возглавил Главное управление в 1825 г. и позднее, в 1832 г., занял пост министра внутренних дел.¹⁹

В первые два десятилетия своего существования управление занималось в первую очередь делами христианских конфессий. Сам термин «исповедание» применялся исключительно к христианским конфессиям, и включение ислама, иудаизма и язычества в эту рубрику демонстрирует их маргинальное положение в новом ведомстве. В 1829 г. первый помощник Блудова Филипп Вигель докладывал, что три четверти работы управления касались дел униатов, католиков и армян. В то же время он не ожидал большого объема работы в отношении дел мусульман и евреев, не в последнюю очередь потому, что их духовнослужители не представляли собой отдельного сословия.²⁰ В 1867 г. директор департамента Эммануил Сиверс отмечал, что в прежние годы «внимание было сосредоточено исключительно на римско-католическом исповедании», тогда

как в последнее время дела других исповеданий, «особенно армянских и мусульманских», приобрели большее значение.²¹

Однако ни в каком из периодов своего существования Главное управление (а затем Департамент) не могло претендовать на управление делами всех неправославных конфессий под властью Романовых. Его юрисдикция распространилась на Царство Польское только в 1871 г. и никогда официально не охватывала Финляндию и Среднюю Азию. Буддисты попали в сферу компетенции Департамента только в 1834 г. (калмыки) и в 1841 г. (Восточная Сибирь). А в 1856 г. Департамент даже был вынужден передать прямые полномочия по делам исповеданий на Кавказе кавказскому наместнику.²² Несмотря на все эти нюансы и оговорки, к 1810 г. правительство империи сумело объединить разнообразные и географически разрозненные неправославные конфессии России в упорядоченную систему, заслуживающую единого административного надзора. В этом деле сочетались многообразие и единство.

Таблица

Религиозные институты и уставы в России (1721–1896)

Вера или исповедание	Устав (дополнение или переиздание) ^{a)}	Религиозный институт (год создания)	Духовный глава
1	2	3	4
Православие	1721–1722 (1841)	Святейший правительствующий синод (1721)	—
Римский католицизм	1769 (1801, 1847, 1893)	Римско-католическая духовная коллегия (1801)	Папа римский, Митрополит всех католиков ^{b)}
Униатство (греческий католицизм)	—	Греко-униатская духовная коллегия (1805) ^{b)}	Папа римский, Униатский митрополит (России) ^{v)}
Армянский католицизм	1893	Духовное правление (1893)	Папа римский, Митрополит всех католиков
Лютеранство	1832 ^{л)}	Евангелическо-лютеранская генеральная консистория (1832)	—
Кальвинизм	—	Виленская евангелическо-реформатская коллегия (1831) ^{e)}	—
Армянское апостольское христианство	1836	Эчмиадзинский синод (1802)	Католикос (Верховный Патриарх)
Евреи (раввинские)	1804, 1835	Раввинская комиссия (1847) ^{ж)}	—

¹⁹ На короткое время в 1880–1881 гг. департамент вновь стал независимым учреждением, см.: Министерство внутренних дел: исторический очерк 1802–1902. СПб., 1901. С. 111, 170.

²⁰ См.: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 528. Л. 2–7. По вопросу о сословном статусе неправославных церковных служителей см.: Werth P. W. *Soslovie and the 'Foreign' Clergies in Imperial Russia: Estate rights or service rights?* // *Cahiers du monde russe*. 2010. Vol. 51, iss. 2-3. P. 419–440.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 59. Л. 76.

²² См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 104; Оп. 8. Д. 1221; ПСЗ РИ. СПб., 1857. Т. 31: 1856. С. 682–683 (ст. 30838); Вашкевич В. В. Указ. соч. С. 37, 61.

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Караимы	1837 (1863)	Таврическое караимское духовное правление (1837)	Гахам
Ислам (Волго-Уральский регион)	—	Оренбургское магометанское духовное собрание (1788)	Муфтий
Ислам (Крым и западные губернии)	1831	Таврическое магометанское духовное правление (1794)	Муфтий
Ислам (Закавказье, сунниты)	1872	Суннитское духовное правление (1872)	Муфтий
Ислам (Закавказье, шииты)	1872	Шиитское духовное правление (1872)	Шейх-уль ислам
Ислам (Северный Кавказ и Центральная Азия)	—	—	—
Буддизм (у калмыков)	1834 (1847) ³⁾	Ламайское духовное правление (1834–1847)	Лама
Буддизм (в Восточной Сибири)	1853	—	Бандидо хамбо-лама
Язычники	—	—	—

¹⁾ Слово «устав» применяется к отдельному законодательному акту, относившемуся к конкретному исповеданию.

²⁾ Один митрополит (сначала архиепископ) в России с 1783 г.; особый митрополит в Царстве Польском с 1817 по 1867 гг.

³⁾ Создана первоначально как второй департамент Римско-католической духовной коллегии, с 1828 г. отдельная коллегия для униатов, а с момента воссоединения в 1839 г. Белорусская коллегия (православная); упразднена в 1843 г.

⁴⁾ Должность упразднена в 1796 г., воссоздана в новой форме в 1805 г.; упразднена в 1839 г.

⁵⁾ Существовали отдельные уставы для лютеран в Царстве Польском (с 1849 г.) и Финляндии (с 1869 г.).

⁶⁾ Видимо, создана в Вильно в 1775 г., но признана государством лишь в 1831 г.

⁷⁾ Впервые созвана в Петербурге в 1852 г.

⁸⁾ Уставы 1834 и 1847 гг. относятся не исключительно к духовным делам, а к правам и обязанностям калмыков в целом.

Уставы

Законодательные акты, то есть особые уставы для иностранных исповеданий, также играли ключевую роль в процессе их огосударствления. В конце 1820-х и на протяжении 1830-х гг. управление при участии представителей неправославного духовенства приняло ряд уставов, большая часть которых продолжала служить основой управления делами иностранных исповеданий вплоть до конца старого режима. Движение в этом направлении началось значительно раньше. Первый устав для католиков был утвержден в 1769 г. Его принятие было вызвано жалобами прихожан в Санкт-Петербурге, желавших усиления контроля как за назначением священнослужителей, так и за управлением финансовыми делами прихода. Свообразным указанием на его сходство с православным Духовным регламентом 1721 г. был тот факт, что императрица назвала этот документ «Регламентом». Формально он регулировал порядок управления Римско-католической церковью в Петербурге, но его применение к делам католических при-

ходов в Москве и в колониях юга России позволило относительно легко распространить его юрисдикцию на присоединенные территории Царства Польского несколько лет спустя. Вполне вероятно, что при подготовке устава уже учитывались последствия предстоящего раздела.²³

В то же время устав 1769 г. оказался в долгосрочной перспективе далеко не окончательным. В 1798 г. были разработаны новые положения, призванные установить строгую вертикаль подчинения епископату как для приходских священников, так и для монашеского духовенства.²⁴ Три года спустя был подписан указ об учреждении римско-католической коллегии, призванной служить «главной духовной консисторией» для католиков, но фактически ставшей главной католической

²³ См.: ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. 18: 1767–1769. С. 833–840 (ст. 13252); Богословский К. Указ. соч. С. 6–11; Skinner B. Op. cit. P. 112–143, 149, 150.

²⁴ Укрепление авторитета епископов также было заметной чертой православной церковной реформы в предшествующие десятилетия. См.: Freeze G. L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, Mass., 1977. P. 52–57.

апелляционной инстанцией.²⁵ Однако, судя по большому числу отдельных указов и постановлений по вопросам регулирования конкретных аспектов католицизма в России, подход государства к этой конфессии был гораздо менее систематичным, чем к другим вероисповеданиям. Прокурор Коллегии указывал в 1840 г. на «расплывчатость принципов и отсутствие кодекса положений об управлении римско-католическим духовенством», что приводило к серьезным расхождениям между католическим каноном и государственными законами.²⁶ Определенная степень кодификации была достигнута после заключения в 1847 г. Конкордата между Римом и Санкт-Петербургом с последующим согласованием этих положений с другими существующими законами, что привело к появлению отдельного раздела о католицизме в новом издании Свода законов 1857 г.²⁷ Конкордат также был одним из немногих законодательных актов, действовавших по обе стороны внутренней границы между собственно Российской империей и Царством Польским, на территории которого дела католиков во всех иных отношениях регулировались отдельным указом 1817 г.²⁸ Однако поскольку Санкт-Петербург аннулировал действие Конкордата после восстания 1863 г. и в течение нескольких последующих лет издал ряд новых, более строгих указов, вопросы правового регулирования католицизма оставались плохо систематизированными вплоть до окончательного завершения новой кодификации в 1893 г.²⁹ Такое положение, характеризующееся последовательным принятием ряда неполных, часто дублирующих друг друга и плохо интегрированных уставов вкупе с детальным законодательным регулированием отдельных аспектов привело к некоторой обособленности католицизма в правовой системе России.³⁰

Конец 1820-х гг. для большинства конфессий оказался переломным моментом на законодательном фронте. Именно при Блудове, сначала в качестве руководителя Главного управления (1826–1832), а затем министра

внутренних дел (1832–1839), была проведена масштабная работа по упорядочиванию законодательного регулирования иноверческих исповеданий. Так, в конце 1820-х гг. Управлением были обобщены все ранее подготовленные материалы по делам мусульман в Крыму и разработан новый проект устава, утвержденный императором в 1831 г.³¹ Работа над лютеранским уставом была завершена в 1832 г.³² Усилия по организации управления духовными делами армян стали предприниматься в Тифлисе сразу же после присоединения Восточной Армении в 1828 г., а окончательный текст устава был опубликован в 1836 г.³³ В 1835 г. была завершена работа над аналогичным положением в отношении духовных дел евреев, дополнявшим ранее принятый устав 1804 г., основное внимание в котором уделялось общественному и правовому статусу евреев.³⁴ В 1837 г. за ним последовал устав для караимов Крыма и Одессы.³⁵ В начале 1830-х гг. также началась работа над уставами для мусульман-шиитов Южного Кавказа и для буддистов Восточной Сибири, хотя она была завершена несколько позже.³⁶ Таким образом, к тому времени, когда Блудов покинул пост министра внутренних дел в 1839 г., был сформирован всеобъемлющий корпус законодательных актов для большинства конфессий.

Хотя вклад Блудова имел решающее значение для организации этого законодательного процесса, не менее значимым было и участие самих представителей неправославных конфессий. В некоторых случаях инициатива исходила от членов неправославных общин

²⁵ См.: Там же. С. 405; Александров И. Ф. Указ. соч. С. 336, 337. Сам устав опубликован в: Там же. С. 342–351.

²⁶ См.: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 698. Л. 15–15об.; Варадинов Н. Указ. соч. Ч. 3, кн. 1. С. 114.

²⁷ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 1. Л. 309–322; РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 723; Туян В. Г. «Положение» Армянской церкви, 1836–1875. Ереван, 2001. С. 19–32; Варганян В. Г. Армяно-григорианская церковь в политике императора Николая I. Ростов н/Д., 1999.

²⁸ См.: Варадинов Н. Указ. соч. Ч. 3, кн. 1. С. 115, 116, 555; Stanislawski M. Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825–1855. Philadelphia, 1983. P. 35–42; Об Уставе 1804 г. см.: Klier J. Russia Gathers Her Jews: The Origins of the “Jewish Question” in Russia, 1772–1825. DeKalb, 1986. P. 116–143; Бершадский С. Положение о евреях 1804 г. // Восход. 1895. Янв. С. 82–104; Март. С. 69–94; Апр. С. 86–109; Июнь. С. 33–63.

²⁹ См.: ПСЗ РИ. СПб., 1838. Т. 12: 1837. С. 132–135 (ст. 9991); Варадинов Н. Указ. соч. Ч. 3, кн. 2. С. 255; Miller P. Karaite Separatism in Nineteenth-Century Russia: Joseph Soloman Lutski’s “Epistle of Israel’s Deliverance”. Cincinnati, 1993. XV–XVI, P. 41–49; ПСЗ РИ. СПб., 1851. Т. 25: 1850. С. 204 (ст. 24634).

³⁰ См.: Варадинов Н. Указ. соч. Ч. 3, кн. 1. С. 558–559; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 599. Л. 87. Буддийский устав представлен: Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX — первой трети XX в. СПб., 1998. С. 57–65.

²⁵ См.: ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. 25: 1798–1799. С. 436–438 (ст. 18734); СПб., 1830. Т. 26: 1800–1801. С. 823–829 (ст. 20053); РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 41. Л. 100б. О создании консисторий епархиального уровня см.: ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. 21: 1781–1783. С. 418–419 (ст. 15356).

²⁶ См.: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 595. Л. 4.

²⁷ См.: Устройство Римско-католической церкви... esp. 12, 43–53; также: СЗРИ. Т. 11. Ч. 1. С. 7–30 (ст. 11–133).

²⁸ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 104. Л. 10б.–2, 9.

²⁹ См.: Там же. Л. 90б.–160б.; Д. 81.

³⁰ По вопросу оценки см.: Варадинов Н. Указ. соч. Ч. 3, кн. 1. С. 111, 112.

и/или их элит. Мы видели, как обращения прихожан католической церкви в Санкт-Петербурге способствовали опубликованию Екатериной II первого неправославного устава в 1769 г. Идея «государственной евангелической консистории» была предложена в 1818 г. состоящим на государственной службе протестантом Павлом Пезаровиусом, а в 1827 г. два пастора обратились к императору с просьбой дать Евангелической церкви в России «твердое устройство». ³⁷ Кальвинисты тем временем обратились с просьбой о признании реформатской коллегии, которая могла бы выполнять роль постоянного органа в периоды между ежегодными заседаниями Литовского Синода. ³⁸ Работа по подготовке устава для крымских мусульман была в значительной степени инициирована в 1801 г. муфтием Сеит Мегметом, который обратился к Александру I с просьбой о получении большего контроля над мусульманским духовенством и прекращении вмешательства светских властей «в магометанскую религию». ³⁹ Караимский устав 1837 г. также появился в ответ на запрос от этой общины. Таким образом, сильное стремление к институционализации и кодификации часто присутствовало и в самих неправославных общинах.

Неправославное участие было еще более заметным на стадии разработки проектов уставов. Комитет, который подготовил устав римско-католической коллегии 1801 г., состоял из католических священнослужителей и двух сенаторов-католиков. ⁴⁰ По крайней мере некоторая возможность внести свой вклад в разработку устава 1804 г. для евреев была предоставлена и евреям, при этом как известным деятелям в Санкт-Петербурге, так и представителям местных кагалов. ⁴¹ Лютеране, как духовенство, так и миряне, также привлекались к работе по подготовке устава 1832 г. на различных этапах обсуждения. ⁴² В 1830 г. Таврическое магометанское духовное правление официально приступило к работе по подготовке проекта устава для управления своими делами, при этом члены исламского «высшего

духовенства» Закавказья были включены в состав проектной комиссии, результатом работы которой стало принятие уставов 1872 г. ⁴³ Первоначальный проект устава Армянской апостольской церкви был подготовлен в Тифлисе в 1829 г. комитетом, в состав которого входило трое армян. ⁴⁴ Историк Эрик Амбургер также утверждал, что протестантский устав потребовал «необычайно больших жертв» от лютеранской церкви в Прибалтике, а один из участников этого процесса рассказывал, что мысль о создании генеральной консистории для всех протестантских церквей прошла в комитете по составлению устава только «при самом слабом большинстве и при самом сильном давлении со стороны председателя и главноуправляющего Блудова». ⁴⁵

В некоторых случаях этот законотворческий процесс требовал разрешения существенных разногласий внутри самих неправославных общин. В среде протестантов, например, активная борьба между пиетистами и рационалистами существенно затрудняла работу над уставом в 1810–1820-х гг. Таким образом, в то время как, начиная с конца XVIII в., идеи гернгутеров и других пиетистов получили широкое распространение в протестантских общинах России и даже приобрели сторонников при дворе, многие лютеране, и особенно пасторство, упорно сопротивлялись их нововведениям в церковной практике и обвиняли пиетистов в том, что они «явно дают предпочтение религиозному энтузиазму в противовес положительным богословскими сведениям». ⁴⁶ В среде протестантов также не было согласия по вопросу церковного управления: одни выступали за централизованную модель, в то время как другие, прежде всего лютеране Прибалтики, стремились сохранить местные традиции и устои. Более того, при всем уважении к местным устоям и институтам, Главное управление под руководством Блудова придерживалось идеи «единства» в управлении делами лютеран и, соответственно, настаивало на формировании

³⁷ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 698. Л. 2–20б., 150б.; ГАРФ. Ф. 1094. Оп. 2. Д. 8. Л. 3.

³⁸ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 616. Л. 1–6.

³⁹ Александров И. Ф. Указ. соч. С. 319, 320, 336.

⁴⁰ См.: ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. 26: 1800–1801. С. 823–829 (ст. 20053); Попов А. Н. Сношения России с Римом с 1845 по 1850 г. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1870. Ч. 148. С. 110.

⁴¹ См.: Klier J. Op. cit. P. 124–127.

⁴² См.: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 522, 698; Amburger E. Op. cit. P. 72–77.

⁴³ См.: Александров И. Ф. Указ. соч. С. 337; Варадинов Н. Указ. соч. Ч. 3, кн. 1. С. 404, 405; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 599. Л. 910б.

⁴⁴ См.: Вартаниан В. Г. Указ. соч.; Туниан В. Г. Указ. соч.; Симеониатс А. Из истории Армянской церкви // Армянский сборник. М., 1915. С. 111–113.

⁴⁵ Amburger E. Op. cit. P. 77; Кошелев А. Записки, 1806–1883. Берлин, 1884. С. 26.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 522. Л. 30б.; Sawatsky W. W. Prince Alexander N. Golitsyn: Tsarist Minister of Piety: Ph. D. diss. University of Minnesota, 1976. P. 337–361.

централизованной консистории и подчинении ее Главному управлению.⁴⁷

Подготовка армянского устава также требовала усилий по примирению разнонаправленных течений. Одной из наиболее разительных особенностей «секретного» комитета, созданного в Тифлисе для составления его первого проекта, была католическая ориентация четырех его членов. Ведущий автор проекта, Жак Шахан де Сирбье, был уроженцем Османской Армении, он вступил в один из католических орденов в Риме в 1789 г., стал специалистом по армянской литературе в наполеоновской Франции и приехал в Россию в 1826 г., чтобы помочь основать армянское издательство.⁴⁸ Очевидно, почувствовав неадекватность проекта, подготовленного этим странным собранием, Блудов разыскал других информированных армян, которые могли бы неофициально предоставить больше данных о правовых положениях своей церкви.⁴⁹ В результате сведения, полученные от Христофора Лазарева, известного торговца и основателя Института восточных языков в Москве, и Александра Худобашева, переводчика в Министерстве иностранных дел, по-видимому, сыграли важную роль в том, чтобы побудить правительство признать духовную власть Католика вселенской.⁵⁰ Несмотря на отсутствие многих деталей, становится очевидным, что Российское государство явно руководствовалось в первую очередь тем, какие взгляды на церковь наилучшим образом соответствовали его интересам и традициям армянской конфессии (в его понимании).

Стоит подчеркнуть, до какой степени правительство империи стремилось отразить в каждом уставе учения, традиции и каноны соответствующей конфессии. Так, Николай I поручил начертать на месте проект полного положения, «приняв к оному в основание собственныя древния её установления и сообразив их с общими законоположениями Российской Империи».⁵¹ Соответственно, Блудов подготовил для Тифлисского комитета список из примерно 85 вопросов об армянской церкви, а его подчиненные собрали обширные выдержки из правительственных документов

и различных сочинений в самой Армении. Как мы уже видели, Блудов дополнил эти данные информацией, полученной от других армян по конфиденциальным каналам. Представляя окончательный проект Государственному совету в Санкт-Петербурге, Блудов отмечал, что «древние законы, обычаи и предания» послужили основными источниками для его составления.⁵² Эта тенденция была еще более заметной в случае протестантизма. Блудов настаивал на том, что представление о состоянии каждой церкви должно «быть равно удалено от всех мнений, внушаемых страстями или предрассудками партий». Как писал император, комитет, работавший над подготовкой окончательного проекта, должен был приложить все усилия для обеспечения того, «чтобы все положения проекта Нового Устава были в точности согласны с коренными законами Протестантской Евангелической церкви, не только в отношении к учению о догматах веры во всей их полноте и неприкосновенности, но и в главнейших основаниях церковного управления, и в самых правилах, определяющих важнейшие обряды Богослужения».⁵³

В отношении других конфессий такие усилия были довольно скромными. «Древние законы, обычаи и предания» католической церкви поддерживались Римом, а соответствующие усилия по включению этого исповедания в структуру российского государства приняли форму дипломатического соглашения со Святейшим Престолом — Конкордата 1847 г. Но даже здесь заметно стремление правительства максимально расширить границы католического канона — в рамках параметров, установленных государственным законом. Так, министр иностранных дел Карл Нессельроде с удовлетворением отмечал в своем письме к послу в Риме, что почти все члены комитета, готовясь к переговорам с папством в 1846–1847 гг., «признали необходимость изменить существующие постановления (империи — П. В.) для того, чтобы согласовать их с каноническими законами».⁵⁴ Что же касается нехристианских религий, ограниченный характер сведений о них был следствием как отсутствия религиозной иерархии и кодифицированной доктрины, с одной стороны, так и, вероятно, простого отсутствия в составе правительства

⁴⁷ См.: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 522. Л. 60б.; Д. 698. Л. 160б.–18.

⁴⁸ По вопросу о странном составе комитета см.: Туниан В. Г. Указ. соч. С. 8, 9; Вартаниан В. Г. Указ. соч. С. 10, 11.

⁴⁹ См.: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 535. Л. 1–3.

⁵⁰ См.: Туниан В. Г. Указ. соч. С. 13, 25, 26, 49, 50.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 723. Л. 10б. См. также: Варадинов Н. Указ. соч. Ч. 3, кн. 1. С. 287, 660.

⁵² РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 1. Л. 3170б.–3190б.

⁵³ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 527. Л. 9. См. также: Варадинов Н. Указ. соч. Ч. 3, кн. 1. С. 231–233.

⁵⁴ Попов А. Н. Указ. соч. Ч. 149. С. 1.

людей, обладающих соответствующим знанием — с другой. Однако даже это не помешало правительству империи в конечном итоге опубликовать уставы для мусульман Крыма, караимов, евреев и буддистов. В 1857 г. Блудов объединил (почти) все рассматриваемые здесь уставы в единый том Свода законов, завершив таким образом основную работу по кодификации для иностранных исповеданий. Примечательно, что этот сборник закрепил разделение духовной сферы России на православную и неправославную составляющие, поскольку ни Духовный регламент 1721 г., ни православный Устав духовных консисторий 1841 г. не были включены в сборник. Таким образом, православие сохраняло обособленное положение, как в законодательном, так и в институциональном плане.

Итак, к 1857 г. отдельные институты были сформированы и/или узаконены государством для большинства иноверческих конфессий, а их религиозные положения были приведены в соответствие с интересами государства посредством публикации отдельных законов. Тем не менее эта система не была ни полной, ни всеобъемлющей.⁵⁵ Наиболее поразительный пробел касался ислама. В то время как мусульмане Крыма получили в 1831 г. отдельный устав, что послужило их институциональному оформлению, гораздо более многочисленное мусульманское население в других частях империи не имело ничего сопоставимого с такой организацией вплоть до гораздо более позднего времени либо вообще осталось без внимания. Лишь в 1872 г. шииты и сунниты Южного Кавказа обрели свои уставы и институты. Даже ситуация в Волго-Уральском регионе была не столь однозначной, как можно было бы предположить, исходя из довольно раннего учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания: правила для этого органа, как писал один историк, «не были систематическим сводом законов, а [вместо этого] основывались на нормативных актах, изданных в разное время».⁵⁶ Для регионов Средней Азии или Северного Кавказа не было создано ни одного духовного института или устава.⁵⁷ Каким образом можно это объяснить?

⁵⁵ Более подробно об этих ограничениях см.: Werth P. W. *The Tsar's Foreign Faiths...* P. 64–71.

⁵⁶ Campbell E. I. *The Autocracy and the Muslim Clergy in the Russian Empire, 1850s–1917* // *Russian Studies in History*. 2005. Vol. 44, no. 2. P. 9.

⁵⁷ По Средней Азии см.: Brower D. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. London; New York, 2003. P. 88–125. По Се-

Частично этот вопрос связан с юрисдикционными спорами. Любой формализованный институт ислама, включая его устав и муфтият, перешел бы в подчинение Министерству внутренних дел, в то время как Военное министерство, отвечающее за значительную часть Северного Кавказа и Средней Азии, стремилось предотвратить любые посягательства на его исключительные прерогативы. Более того, Оренбургское Собрание, поддерживаемое Министерством внутренних дел, в течение десяти лет после завоевания Средней Азии стремилось распространить свою власть на духовные дела мусульман на этой территории. Константин фон Кауфман, генерал-губернатор Туркестана, успешно сопротивлялся этим усилиям и в конце концов в 1880 г. вынудил Министерство внутренних дел запретить Собранию дальнейшее вмешательство.⁵⁸ Но были и более принципиальные возражения против институционализации ислама государством. Представители центральной власти в Средней Азии были убеждены, что такое признание будет искусственно поддерживать религию, которой в противном случае, по их мнению, было суждено уступить место православию и русской цивилизации. С этой точки зрения, то, что было сделано в Волго-Уральском регионе, представляло собой ошибку, которую не следовало повторять в недавно завоеванном Туркестане.⁵⁹

Аналогичные опасения были высказаны в ответе правительства на предложение депутатов Думы от 1913 г., упомянутое в начале этой статьи. Признавая, что положение вещей на Северном Кавказе «естественно не может почитаться нормальным», Министерство иностранных дел тем не менее не поддерживает это предложение. Прежде всего, оно отказалось брать на себя расходы на содержание такого духовного управления, но, что более важно, оно также утверждало, что принятие предложения депутатов укрепит и усилит ислам в этом регионе. Население регионов, где до сих пор отсутствовало духовное управление,

верному Кавказу см.: Северный Кавказ в составе Российской Империи. М., 2007. С. 250–262; Blauvelt T. K. *Military-Civil Administration and Islam in the North Caucasus, 1858–1883* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. Vol. 11, № 2. P. 221–255.

⁵⁸ См.: Литвинов П. П. *Государство и ислам в Русском Туркестане, 1865–1917*. Елец, 1998. С. 66–71; Россия — Средняя Азия: политика и ислам в конце XVIII — начале XXI вв. / Мухаметшин Ф. М. [и др.]. М., 2013. С. 126–129.

⁵⁹ См.: Литвинов П. П. *Указ. соч.* С. 58–60; Россия — Средняя Азия... С. 126, 127.

неизбежно истолковало бы создание муфтията и коллегиального правления «как акт признания правительством особого значения в данной местности ислама». Учреждение управлений иностранных исповеданий имело смысл на определенном этапе в прошлом. При этом модели, выстроенные в Крыму и Волго-Уральском регионе, создавались «в совершенно иных исторических условиях» и, таким образом, обладают лишь относительной актуальностью для современности.⁶⁰

В заключение мы можем предположить, что государственная инициатива в устройстве неправославных исповеданий и принятие законов от их имени были характерны для определенной исторической эпохи, простиравшейся примерно с последней трети XVIII в. до середины XIX в. В эту эпоху российские правители применяли к управлению духовными делами страны сначала центральноевропейскую модель полицейского государства (*Polizeistaat*), затем рационализацию управления во фран-

цузском стиле и, наконец, романтический проект укоренения современной власти в «древних законах, обычаях и преданиях». Это было время, когда государственный аппарат был еще настолько несформирован, что привлечение представителей духовенства к задаче управления могло быть глубоко привлекательным для государственных элит. И это было время, когда последствия воплощения национальной идеи еще не были очевидны и когда, соответственно, не возникало озабоченности в связи с тем, что интеграция разрозненных групп населения через религиозные институты может способствовать возникновению проблем для единства империи. Многие из этих положений будут подвергнуты сомнению после середины XIX в., при этом свидетельством целесообразности такой формы управления делами религий — или, по крайней мере, неспособности самодержавия создать жизнеспособную альтернативу — является тот факт, что эти институты и уставы продолжали функционировать с незначительными изменениями вплоть до конца существования старого режима.

Paul W. Werth

Professor, University of Nevada (USA, Las Vegas)

E-mail: werthp@unlv.nevada.edu

DIVERSITY AND UNITY IN THE ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN EMPIRE'S "FOREIGN FAITHS"

In this article, which is an abridged version of the monograph's chapter [Paul W. Werth, *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia* (Oxford, 2014)], the author examines the history of the organization of the system of administration of "foreign confessions" — non-Orthodox religious communities in Russia in the last third of the 18th — mid 19th century. According to the author, this system, which he calls "the multi-confessional establishment", was flexible and included significant elements of compromise. On the one hand, with the undoubted primacy of the Orthodox Church, most of the non-Orthodox confessions were granted, in one way or another, the status of state institutions. This strengthened their position, enabled their clergy to be involved in the processes of government and, at the same time, strengthened the internal unity of the Empire. On the other hand, as the imperial state apparatus developed and a tendency towards unification became more prominent, from the second half of the 19th century onwards the supreme authorities began to worry that the integration of different groups through religious institutions might threaten state cohesion. Nevertheless, until the collapse of the Russian monarchy the autocracy never succeeded in developing an alternative model for the administration of religious affairs.

Keywords: *foreign confessions, multi-confessional establishment, legislative regulation, Main Administration for Spiritual Affairs of Foreign Confessions*

⁶⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 849. Л. 8–16.

REFERENCES

- Alekseeva S. I. *Svyateyshiy Sinod v sisteme vysshikh i tsentral'nykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy poreformennoy Rossii, 1856–1904 gg.* [The Holy Synod in the system of higher and central state institutions of post-reform Russia, 1856–1904]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2003. (in Russ.).
- Alexandrov I. F. [On the history of the establishment of the Tauride Mohammedan Spiritual Board]. *Izvestiya Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii* [Proceedings of the Tauride Academic Archival Commission], 1918, vol. 54, pp. 316–355. (in Russ.).
- Amburger E. *Geschichte des Protestantismus in Russland.* Stuttgart: Evangelisches Verlagswerk GmbH, 1961. (in German).
- Arapov D. Yu. *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret' XVIII — nachalo XX v.)* [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the 18th — early 20th century)]. Moscow: MPGU Publ., 2004. (in Russ.).
- Azamatov D. D. *Orenburgskoye magometanskoye dukhovnoye sobraniye v kontse XVIII — XIX v.* [Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly at the end of the 18th–19th century]. Ufa: Gilem Publ., 1999. (in Russ.).
- Blauvelt T. K. Military-Civil Administration and Islam in the North Caucasus, 1858–1883. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2010, vol. 11, no. 2, pp. 221–255. DOI: 10.1353/kri.0.0152 (in English).
- Brower D. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire.* London; New York: RoutledgeCurzon, 2003. (in English).
- Campbell E. I. The Autocracy and the Muslim Clergy in the Russian Empire, 1850s–1917. *Russian Studies in History*, 2005, vol. 44, no. 2, pp. 8–29. (in English).
- Chimitdorzhin D. G. *Pandito Khambo Lamy (1764–2010)* [Pandito Khambo Lama (1764–2010)]. Ulan-Ude: “Pechatnyy dvor” Publ., 2010. (in Russ.).
- Cracraft J. *The Church Reform of Peter the Great.* New York: Stanford University Press, 1971. (in English).
- Crews R. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia. *The American Historical Review*, 2003, vol. 108, iss. 1, pp. 50–83. DOI: 10.1086/AHR/108.1.50 (in English).
- Crews R. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia.* Cambridge, Mass.: Harvard university press, 2006. (in English).
- de Madariaga I. *Russia in the Age of Catherine the Great.* New Haven; Conn; London: Yale University Press, 1981. (in English).
- Ermakova T. V. *Buddiyskiy mir glazami rossiyskikh issledovateley XIX — pervoy treti XX v.* [The Buddhist world through the eyes of Russian researchers of the 19th — the first third of the 20th century]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1998. (in Russ.).
- Freeze Ch. Y. *Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia.* Hanover, N.H.: UPNE, 2002. (in English).
- Freeze G. Institutionalizing Piety: The Church and Popular Religion, 1750–1850. *Imperial Russia: New Histories for the Empire.* Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998, pp. 210–249. (in English).
- Freeze G. L. *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977. (in English).
- Ganich A. A. [The Muftiat that was not]. *Ab Imperio*, 2011, no. 4, pp. 261–278. (in Russ.).
- Klier J. *Russia Gathers Her Jews: The Origins of the “Jewish Question” in Russia, 1772–1825.* DeKalb: Northern Illinois University Press, 1986. (in English).
- Leniaud J.-M. *L’Administration des Cultes pendant la période concordataire.* Paris: Nouvelles Editions Latines, 1988. (in French).
- Litvinov P. P. *Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane, 1865–1917* [State and Islam in Russian Turkestan, 1865–1917]. Yelets: YeGPI Publ., 1998. (in Russ.).
- McIntire C. T. Changing Religious Establishments and Religious Liberty in France. *Freedom and Religion in the Nineteenth Century.* Stanford: Stanford University Press, 1997, pp. 233–272. (in English).
- Miller P. *Karaite Separatism in Nineteenth-Century Russia: Joseph Soloman Lutski’s “Epistle of Israel’s Deliverance”.* Cincinnati: Hebrew Union College Press, 1993. (in English).
- Mukhametshin F. M., Abashin S. N., Arapov D. Yu. et al. *Rossiya — Srednyaya Aziya: politika i islam v kontse XVIII — nachale XXI vv.* [Russia and Central Asia: Politics and Islam from the late XVIII to the early XXI century]. Moscow: Moskovskiy gos. un-t im. M. V. Lomonosova Publ., 2013. (in Russ.).

- Nosov B. V. [Russian policy in the dissident issue in Poland 1762–1766]. *Pol'sha i Evropa v XVIII veke: mezhdunarodnyye i vnutrenniye faktory razdelov Rechi Pospolitoj* [Poland and Europe in the 18th century: international and internal factors of the divisions of the Commonwealth]. Moscow: In-t slavyanovedeniya RAN Publ., 1999, pp. 20–101. (in Russ.).
- Polunov A. [The Ober-Prosecutor's Office of the Holy Synod: the main stages of formation and development (18th – the middle of the 19th century)]. *Petr Andreyevich Zayonchkovskiy: sbornik statey i vospominaniy k stoletiyu istorika* [Petr Andreevich Zaionchkovsky: a collection of articles and memoirs for the centenary of the historian]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, pp. 231–260. (in Russ.).
- Raeff M. *Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772–1839*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1957. (in English).
- Sawatsky W. W. *Prince Alexander N. Golitsyn: Tsarist Minister of Piety*: Ph. D. Diss. University of Minnesota, 1976. (in English).
- Severnyy Kavkaz v sostave Rossiyskoy Imperii* [North Caucasus as a part of the Russian Empire]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2007. (in Russ.).
- Skinner B. *The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in 18th-century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009. (in English).
- Stanislawski M. *Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825–1855*. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1983. (in English).
- Tsapina O. *Secularization and Opposition in the Time of Catherine the Great. Religion and Politics in Enlightenment Europe*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2001, pp. 334–389. (in English).
- Tunyan V. G. "Polozheniye" *Armyanskoy tserkvi, 1836–1875* ["Status" of the Armenian Church, 1836–1875]. Erevan: GIUA Publ., 2001. (in Russ.).
- Vartanyan V. G. *Armyano-grigoriyanskaya tserkov' v politike imperatora Nikolaya I* [The Armenian-Gregorian Church in the policy of Emperor Nicholas I]. Rostov n/D.: Rost. gos. ped. un-t Publ., 1999. (in Russ.).
- Vishlenkova E. A. *Zabotyas' o dushakh poddannyykh: religioznaya politika v Rossii pervoy chetverti XIX veka* [Taking care of the souls of subjects: religious policy in Russia in the first quarter of the 19th century]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta Publ., 2002. (in Russ.).
- Werth P. W. *Soslovie and the 'Foreign' Clergies in Imperial Russia: Estate rights or service rights? Cahiers du monde russe*, 2010, vol. 51, iss. 2-3, pp. 419–440. DOI: 10.4000/MONDERUSSE.9196 (in English).
- Werth P. W. *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. Oxford: Oxford Publishing Limited, 2014. (in English).
- Wolff L. The Uniate Church and the Partitions of Poland: Religious Survival in an Age of Enlightened Absolutism. *Harvard Ukrainian Studies*, 2002–2003, no. 26.1-2, pp. 153–244. (in English).
- Zhivov V. M. *Iz tserkovnoy istorii vremen Petra Velikogo: issledovaniya i materialy* [From the Church History of the Times of Peter the Great: research and materials]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2004. (in Russ.).

Для цитирования: Верт П. В. Многообразие и единство в управлении «иностранными исповеданиями» Российской империи // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 25–36. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-25-36.

For citation: Werth P. W. Diversity and unity in the administration of the Russian empire's "Foreign Faiths" // Ural Historical Journal, 2022, no. 2 (75), pp. 25–36. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-25-36.